

Чинно влазим в пригородный поездочек
И шкандыбаем на пару «точек»
В край шикарного местного винишка.
И шампуза́ нам по́фигу вроде
На природе!

Ell' met sa rob' de la Rein' Blanch'
Moi, j'emport' ma pip' la plus blanch';
J'ai pas d'chemis', mais j'mets des manch's,
Car il faut bien qu'l'éléganc' règne
A la campègne!

Моя-то берет свое белое выходное, ни дать ни взять
на «Белый вальс» королева!
Ну а я — свою белую трубку, я при ней — ни шагу «налево»!
Рубашки у меня, положим, нету, зато есть манжеты,
А то как же — все должно быть по мэде
На прирэде!

Nous arrivons, vrai, c'est très batt'!
Des écaill's d'huîtr's comme chez Baratt'
Et des cocott's qui vont à patt's,
Car on est tout comme chez soi
A la camp — quoi!

Ну вот — приехали! А что? — Шик, дешево и богато!
Свежие устрицы, как у Баратта*,
Свежие дамочки ходят на четырех, безо всего,
Как у себя дома в борделе. Ну и чего?
На природе, значит, при — деле!

Mais j'vois qu'ma machin' vous em...terre,
Fait's-moi signe et j'vous obtempère,
D'autant qu'j'demand' pas mieux qu'de m'taire...
Faut pas se gêner plus qu'au baigne,
A la campagne!

Но, чуёт мое сердце, мой товар вам не в кайф.
А я что — набиваюсь?
Дайте знать, тут же смотаюсь!
Мне что в «зоне», что на газоне. Лишь бы при народе!
На природе!

Печатается по изданию:

Verlaine. Œuvres poétiques complètes. Librairie Gallimard, Paris, 1954.

* «Баратт» — парижский аналог «Елисеева» тех лет.

«ВНИЗ ПО ТЕЧЕНИЮ» — НЕПРИСТОЙНОСТИ ЛОТРЕАМОНА, САДА И ПРОЧЕЕ

Даже утонченный Кокто восхищается французским уличным жаргоном: «Мать твою! Приведи ее сюда, я тебя доделаю!» — *Amène ta mère que je te refasse!*» Что уж говорить о Сартре, который в 1947 г. публикует свое, новое тогда, объемистое классическое эссе «Бодлер», а в 1951 уже упивается стилем и даже «ориентацией» в своем очерке о Жане Жене. Жан Жене (1910–1986), по своему первому, «внелитературному», прошлому вор, герой «зон» и гомосексуальной среды, а по «литературному» — действительно яркий писатель и поэт-романтик, на целую эпоху ставший рядом с Ж.-П. Сартром, одним из властителей тогдашних умов.

В то же течение уже раньше, с послевоенного, первой войны, XX века, силой вещей оказались включены идеи Лотреамона, или Дюкасса-Лотреамона (1846–1870). «На литературу XIX века, — писал Андре Жид в 1925 г., — он не оказал никакого влияния, однако подобно Рембо, а быть может, больше, чем Рембо, он распахнул двери для литературы завтрашнего дня»; о нем писали такие литераторы и философы, как Луи Арагон, Поль Элюар, Альбер Камю, Гастон Башляр, Жорж Батай, Морис Бланшо, Андре Бретон и многие другие — замечает специалист Г. Косиков [Косиков ниже в кн.: Лотреамон, 1998, 15, 18].

И, наконец, в этот же поток присоединился, уже заново присоединился и заново был прочтен, Маркиз де Сад. Перед нами прекрасно иллюстрированное, роскошное, большого формата издание «*Petits et grands théâtres du Marquis de Sade*» présentés par Annie Le Brun, Paris: Paris Art Center, 1989.

(Как раньше в Париже на Набережной букинистов можно было иногда за бесценок приобрести классику, так в тот раз в Москве у магазина «Сокол», перед кувшинным лицом испуганного такой оказией администратора я купил «с государственной скидкой» Альбом Маркиза — на французском языке!)

Но вот что бросается в глаза в связи с нашим литературным сюжетом — это «авангардная перекличка». Сравним.

У Артюра Рембо в «Женщинах, обирающих вшей», строфа 3 и 4 (здесь и выше):

[Мальчик] ...слушает робкий ритм их дыхания,
От которого пахнет медом и росистой травой,
Ритм, прерываемый время от времени
Выступающей на губы слюной и желанием поцелуя.

Он слышит, как в ароматной тишине
Вздрагивают их ресницы
И под их наэлектризованными царственными ногтями
Потрескивая гибнут лишенные движения вши...

У Дюкасса-Лотреамона «Песни Мальдорора», Песнь II, строфа 9:

«...Из шевелюры человечества я вытащил одну вошь-самку, переспал с нею три ночи кряду, а затем поместил в эту приготовленную заранее шахту. Судьба благоприятствовала моему начинанию: человеческое семя оплодотворило насекомое, чего, как